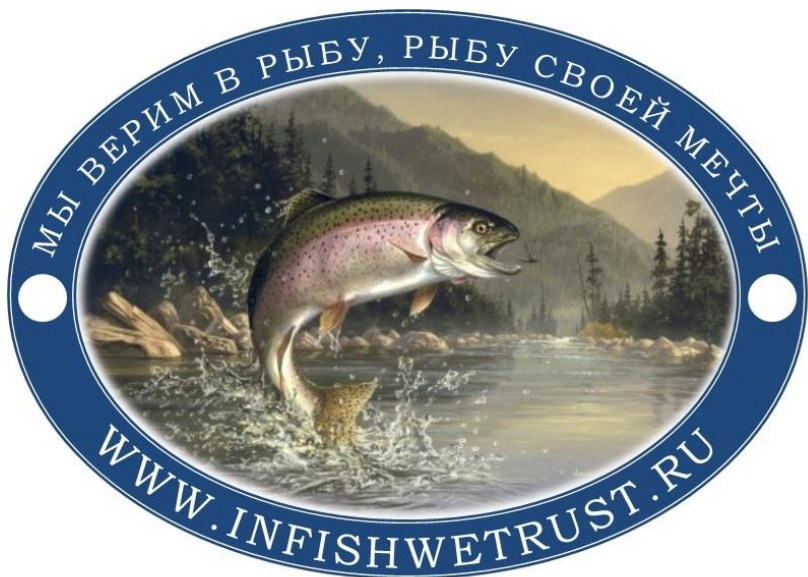

Александр Якушев

66-я ПАРАЛЛЕЛЬ

66-я ПАРАЛЛЕЛЬ

Никогда не считал себя прожжённым таёжным путешественником, но это приключение смело смогу приравнять к экспедиции офицера Джеймса Гранта к озеру Виктория. Не претендую на медаль Королевского географического общества, но могу утверждать, что этот рассказ о прогулке по 66-й параллели будет не менее интересен его дневника “*A Walk across Africa*” и сюжета известного романа о поисках по 37-й параллели другого офицера-шотландца.

Эта история по праву должна иметь название ***Великие озёра Мезенского края***. И величие определяется не их размахом в бескрайней Малоземельской тундре, а величием духа этих вод, наполнявшего меня всё это время. С каждым днём, проведённым на 66-й параллели, я всё сильнее и сильнее чувствовал дух воды Русского Севера, дух, порождённый не стихией, а человеком, покорившим её.

– К бережине вытягивай! К бережине! Давай! Мошшнее давай! – во все горло командовал Николаевич, мой проводник. Медленно вращая в песчаный угор, я тянул изо всех сил кóдолу¹, приготовленную для переправы его нового вездехода. Капитан этой плавучей конструкции крепко держал руль, словно румпель поморского коча, сопротивляясь сильному течению и метр за метром вездеход, подобно лихтеру, приближался ко мне.

Короба, мешки, вёдра и прочее снаряжение мы уже переправили на левый берег реки на лодке-шитухе, которую оставляют на этой переправе на всё лето. Вверх по реке, вёрст так с десять от переправы, по правому берегу стояло одно из самых ранних поселение лесных поморов, – поречны, как они сами себя называли, которые расселялись преимущественно по чёрнопахатным² рекам Мезенского края, дойдя до его северных

---

¹ Кóдола – толстая верёвка, канат.

² Чернопахатные земли – земли пригодные для земледелия.

границ с тундрой. Отлѣглые³ пожни этого поселения простирались по обоим берегам извилистой реки, и скорее всего, это место стало переправой с первых лет её заселения.

Редкие лучи солнца сквозь низкие тучи, гонимые зимним побережником на мгновенье остановили моё сознание, и на этой паузе мне представлялись эти угоры такими, какими они могли быть в те стародавние времена. Теперь же это преимущественно труднопроходимые сузѣмы берез, ив и кустарника. Однако вѳрга не заросла, она, как и в прежние времена напоминает о людях на этой земле, но теперь это следы снегоходов и болотных вездеходов.

Богатые рыбой тундровые озера, питаемые цилѳмой⁴ проходных болотных ручьев, связанные с реками, впадающими в Баренцево море, расположились преимущественно по левому берегу реки, и образовали целую систему озѳр, которые могут

---

³ *Отлѣглые – удаленные.*

⁴ *Цилѳма – вода из болота.*

соперничать с Великими озёрами Северной Америки. Соперничать не размерами, а величием и силой. Этот водный мир и стал целью нашей экспедиции или как мы в шутку её называли – Рáньшина⁵.

Погрузив уже второй раз за день наше снаряжение на вездеход, и, как не раз говаривал проводник-устьянин, переведши пых, мы продолжили свой путь по колее лесной тропы, беседуя преимущественно о резкой, непредвиденной смене погоды и о том, как раньше ходили промысловые артели на левобережные озёра.

– От деревни нам ходу одна вода, то есть полсутки, – отвечал проводник на мои вопросы, козыряя знанием Поморской говóри, зная мою детскую любознательность до его слов, –

---

⁵ *Рáньшина – весенний промысел.*

Наединась⁶ в эти края никогда не хаживали, тропа болотна козновата, ой козновата⁷!

Лес становился все реже и реже, ели, наполовину заросшие мхом различных оттенков становились всё ниже и ниже и вот так, слушая его побывальщины и проходило время от залóги до залóги. Каждый наш упряк⁸ был ненамного длиннее часа, так как нужно было делать короткие остановки, для того чтобы остыл механизм поворота гусеничного вездехода. После первых пробных поездок требовалась доработать этот механизм, и Николаевич даже знал, как, но к моему приезду не успел. Всё-таки не доглядели изготовители, и приходится покупателям дорабатывать российские серийно выпускаемые вездеходы, кстати очень недешёвые.

---

⁶ *Наединась – в одиночку.*

⁷ *Козноватой – коварный, опасный.*

⁸ *Упряк – мера рабочего времени от отдыха до отдыха, перегон*

Во время коротких залог, доедали приготовленные днесь опёкиши, шаньги и котлеты. Затем я замертво валился на кустарник, вслушиваясь в тишину, порождённую монохромным безмолвием из слияния серого неба и небрежно разбросанной желтовато-коричневой болотной пустоши. Но если присмотреться, то это унылое покрывало превращалось в изобильное разноцветие растущих кустарников и мха.

– Вот на этом самом месте моя бабка рожала моего дядьку, возвращаясь пешком с промысла. Тут всегда делаю остановку, вспоминаю её, – начал очередной свой рассказ Николаевич, выделяя детали обычаев и быта того времени.

Онóдни⁹ вышли на ерсей, расстилавшийся вокруг начавшейся череды малых озёр. В чём нам повезло, так это в том, что утренний морозящий дождь прекратился, и до конца дня на небе тучи толкались вхолостую до самой ночи. Я уж было привык к пустынному пейзажу северной тундры, как мы въехали в

---

⁹ Онóдни – вскоре.

бережной лес, и совсем скоро появился силуэт лесной избушки, достаточно просторной и неожиданно ухоженной.

– Натть поперёвво ужну собрать, по́плави¹⁰ потом обсудим, в ночь выйдем и спиннинг свой покидашш, – предложил проводник.

– Взабóль, – отвечаю ему, вкладывая в это слово полное своё согласие.

– Тогда обрядня¹¹ вся за тобой. Короба и пожитки под навес складывай, а я лодку срыжать начну, – уходя, распорядился проводник.

– Полдéла¹², – иронично пошутил я, и не менее усталый принялся выполнять свои лагерные обязанности.

---

¹⁰ *По́плавь (мн. По́плави) – время плавания от одного пункта до другого (то есть рыболовные маршруты).*

¹¹ *Обрядня – работа по дому или хозяйству.*

¹² *Полдéла – легко, без особого труда.*

В час выхода ловцов неожиданно пал шелоник, поднимая волну, а к возвращению ещё усилился и зарубил на полудник. Резкое похолодание, которое продолжалось всю неделю, и неутихающий четыре дня ветер, приносящий по утрам настырный, морозящий снег изменил запланированные поплави ловцов. Лодка с 5-сильным моторчиком представляла собой старую посудину, названную мной Шнявой, за её неповоротливость и необустроенность.

Ветер ненадолго загнал нас в дальний завéтерь¹³, где быстро успел освоиться с условиями и наловил немного окуней, а в прибрежной траве поохотился за щукой, но после трёх-четырёх сходов понял, что необходим мозговой штурм. Щука выходила в берег, но атаки были настолько запоздалые, что блесна вырывалась из пасти с нераскрытой защитой крючка. Сменив место, нашёл ещё одну стоянку окуня, и надёргал нужное на котёл количество. К этому времени над Озером зависла густая

---

¹³ *Завéтерь – защищённая от ветра бухта, залив.*

пелена мороси, звуки ледящего ветра и волн стали пронизывать меня до костей, вынуждая рухнуть от пересилившей меня усталости на банку Шнявы, облагоустроенную заранее привезённым самодельным матрасом из пенополиэтилена.

Окутка¹⁴ пригодилась только к утру, жар от печки стоял в избе очень долго. Окончательно проснувшись, понял, – до вечера рыбалить, ну никак не получится. Да и не было такой охоты после тяжелейшего марша и наскоро проведённой рыбалки. Не спеша, в развалку приступили к лагерной обрядне. Николаевич полдня провозился с вездеходом – разбирался с рулевым механизмом, сообщил, что подмога не требуется и отправил меня изучать Озеро. Часа три проходил в забродных сапогах вдоль лагерной косы и пытался понять причину поведения шук-травянок, атакующих мои приманки.

Среди всех озёр этой местности наше Озеро, названное мной впоследствии “66-я Параллель”, было самым крупным, и его форма очень напоминала систему Великих озёр в Северной Америке, как будто 5 средних по размеру озёр соединялись между собой друг за другом и образовывали целую систему. Несмотря на то, что Озеро богато рыбой: щука, окунь, сорога, а также заходящие на нерест сиг и хариус, оно было скорее ветхим, ущербным, то есть умирающим, и не без вины человека. Издревле промысел на нём вёлся закидными неводами, который выравнивал и очищал дно. *На шаромыгу¹⁵ тут ишук не надёргашш!*, – вспомнил я слова Николаевича.

В ночь, то есть с вечера до полуночи, собрались на рыбалку. Мой капитан решил поставить сети¹⁶ до утра, а меня высадить на наветренный берег недалеко от истока ручья, вытекающего из Озера, где сразу же вытащил двух крупных харюзов¹⁷. Обалдев от такого поворота событий, проводник оставил меня на этом берегу. Наигравшись в догонялки с мелким, не кулинарным

---

¹⁴ *Окутка* – одеяло.

¹⁵ *Шаромыга* – большая мормышка для ловли в реке на поддёв.

¹⁶ *Местному населению здесь разрешён лов сетями.*

¹⁷ *Харюз* – хариус.

окунем в ручье, пошёл через полчаса пробовать удачу в бережной траве.

Прогулка по песчаному дну так и не дала никаких результатов кроме одного, я оказался в западне, и стоял уже на подветренном берегу, где растущие волны от усиливающегося ветра не предвещали ловлю рыбы, так как в пешей доступности не было ни одного залива. Пришлось вернуться к устью ручья, завалиться на пригорок, и как ребёнок копаться в своих бобушках¹⁸, украшенных крючками.

Утром следующего дня Николаевич проверил рыболовные сети, в которые, на фоне моих скромных успехов, зашло неожиданно много разной рыбы, но главное событие того утра заключалось в том, что он принял решение вернуться в одиночку в деревню, починить вездеход и вернуться на третий день. Его план предусматривал вторую поездку с целью исследования новых промысловых водоёмов сразу же после моего отъезда и надёжность вездехода поставлена на первый план.

---

¹⁸ Бобушка – примитивная детская деревянная игрушка.

– Помнишь, сам же сказывал, как ходил морем в свой Мангазейский поход и тебя с моря на запасном моторе прямо к аэропорту доставили? Если вездеходом пойдём гружёные и встанем на болотах, то точно не успеешь. Взабóль-взабóль! – припомнил мне проводник.

Да, подсознательно я страстно хотел побыть в гордом одиночестве, в практически недостижимом для человека месте, и уйти ненадолго в одиночное плавание, но чтобы так?

– В деревне все, кому надо знают, што мы здесь, но всё же будет лучше, штоб ты не опоздал на свой самолёт. Если же со мной што случится, то за тобой Алексеич на своём снегоходе приедет и заберёт тебя и твоих двух харьюзов, – как всегда с шуткой закончил свой сказ Николаевич.

– Повéтерь¹⁹ тебе в спину, – козырнул поморским диалектом на прощание. Шум вездехода ещё доносился до избы несколько минут, после чего я остался один на один с заболоченной тундрой 66-й параллели.

Сначала, вспомнил как в детстве, в возрасте, наверное, десяти лет меня оставили одного в лесном туристическом лагере. Это получилось непредвиденно. Наша спортивная школа летом вывозила группы детей в туристический лагерь, а в день отъезда мои родители должны были приехать в этот лагерь и меня оставили их ждать на несколько часов, вручив мне после завтрака кусок хлеба и две банки паштета, чего должно было с лихвой хватить до их скорого приезда. Я до сих пор помню эти две банки паштета, которые растянул до позднего вечера, вглядываясь в лесную дорогу в ожидании белого Москвича-408.

В ночь неторопливо собрался и отправился на Шняве в поисках наветренного берега, и дошёл до ближнего к лагерю западного берега. По ранее составленной карте на основе данных с навигатора и при помощи Николаевича мой трёхдневный план был составлен с целью освоения близлежащих берегов.

---

¹⁹ *Повéтерь – попутный ветер.*

Место рыбалки выбирал не я, а ветер, толкая меня, то к одному берегу, то к другому. Щука в берег так и не вышла, и пришлось искать стайки окуней, которых ловил практически под лодкой на джигговую снасть, так как на леску наматывался плавающий мох, делая дальние забросы пустой тратой времени. После того как на крючок стали попадаться не кулинарные матросы²⁰, решил дойти по виске до заветного места, скрытого елями со всех сторон малого озера. Виска оказалась достаточно глубокой и принесла очередную рыбацкую удачу. Этот проточный окунь аж выпрыгивал из воды, гоняясь за силиконовой приманкой, подняв моё настроение.

А за последним поворотом протоки открылась сказочная картина. Царящая вокруг тишина потрясала своим величием, а зависшие над водной гладью тяжёлые облака как бы охраняли этот затерянный мир. Обойти его на гребьях²¹ вдоль берега не

---

²⁰ *Матрос – так в рыболовной среде называют окуня.*

²¹ *Гребь – весло (гребья – вёсла).*

составляло труда, и, заворожённый покорившей меня действительностью, осушил вёсла, пройдя половину бережной линии. Я долго наслаждался этой безмятежностью и умиротворённостью, сливаясь воедино с этим затишьем, а ведь совсем рядом, и совсем недавно по моим щекам хлестала снежная морось.

Я пересилил себя и начал изучать подводный мир. Озеро это, будучи проточным, заросло травой до неприличия, введя меня в непродолжительное размышление.

Любой безлопастной, а тем более лопастной воблер - это стопроцентная холостая проводка, мои тяжёлые щучьи блесны-колебалки за счёт пауз смогут увеличить время нахождения в точке вероятной атаки, но при дальнем забросе, если не успеют опуститься на средний горизонт и зацепить стрелолист или широколистный рдест, так же начинают собирать мох или водоросли, в основном урúть.

Да, можно было выбрать тактику бесконечных забросов и ждать поклёвки в момент касания приманки об воду, но вспомнил

дискуссию на рыболовном форуме на эту тему, где все высказывались и делились опытом по теме ловли в густой траве. Несмотря на доводы преимущества недогруженной резины на оффсетнике, проводку приманки в поверхностном слое с наименьшей вероятностью зацепить плавающий мох и водоросли могла показать только блесна-вращалка, причём вне зависимости от типа крючка! Но когда нужно было проверить средний или придонный горизонт, то альтернативы недогруженной резине на оффсетнике не было. Там, где была возможность, старался применять щуцьи блесны-колебалки с крючком оффсетником. Никакого поиска, никакого разнообразия приманок не требовалось, но это с лихвой компенсировалось применением всех ранее приобретённых знаний о влиянии ветра, температуры и света на поведение рыб.

Непродолжительная рыбалка закончилась всего двумя волнующими своей неожиданностью и мощностью бросками крупной щуки, не гигантской, но даже водовёрть, как явный след этих бросков, засчитал не плохим результатом.

На утро, если вообще так можно сказать, ведь в пасмурную погоду отличить день от ночи в заполярье летом почти невозможно, поднялась снежная метель, тучи спустились неприлично низко, и порой казалось, что небо хочет прогнать меня отсюда. Днём я отсыпался по причине ожидания ночного визита Мезенского лешего, но к вечеру ветер опять показал место рыбалки, за лагерем, в ближайшем заливе.

Лесной бережной лагерь, а это наша изба, навес, старая изба, используемая как склад старых обветшалых снастей, но возможно используемых по перволедью, да и ещё не менее рухлой летней избушки, располагался на трёхсотметровой косе, разрезающей береговую линию, как стрелка на две заводи.

На другом берегу косы для такого случая в лесу меня ожидала небольшая вёсельная лодка, в которой я и встречал рассвет. Поначалу, когда вездесущий ветер ещё подпитывал всей своей силой прибрежную волну, укрывался на самом краю косы, где продолжал безуспешные попытки выманить щуку из травы, которая показывала своё присутствие только демонстрацией хвостов в ответ на забросы моих колючих бобушек.

К полуночи небо словно застыло, и воцарилась цепенящая тишь, в центре которой оказался только один человек. Единственная эмоция, – ликование, овладевала мной от нахождения в центре этого вселенского абсолютного покоя, где рождается вся круговерть жизненных путей и событий. Всплески от хода вёсельной лодки, казались мне единственными звуками этого мира, а практическая невозможность в одиночку добраться в привычную среду возносило этот момент на недостижимую высоту.

Ко всему можно привыкнуть, и к состоянию неизведанного ранее духовного подъёма. Углубившись в дальний угол залива, приступил к очередной разведывательной операции, и не заметил, как первые лучи северного солнца пробили слегка разряженные тучи по причине того, что недавно купленный, не обловленный поверхностный воблер ловил мелкого окуня и щуку по принципу один заброс – одна рыба.

День прошёл в сомнениях и ожидании, я, временами, впадал в глубокое, даже совершенное уныние от безнадёжного одиночества. Проведённые вылазки показали, что неоднородность донного и берегового рельефов, многочисленные островные насыпи, в дополнение к несвойственной для этого времени погоде превращают поиски, в отсутствие проводника, в лотерею. Мыслей до самого вечера было много, но все они улетучились со звуком мотора знакомого мне вездехода.

– Ну и как тут поживаешь? Не одичал?

– Да нет, в первую ночь то страшновато было, а потом даже привык к лесному одиночеству.

– Наш-то Мезенский леший не даст пропасть! Вот в соседней деревне у меня дальний родственник в детстве заблудился в лесу, и его искали аж несколько дней, а когда нашли и спросили, он ответил, што не голоден, и ему лесной дядя еду приносил. Вона как бывает! А на ужин у тебя што? Дай пых перевести, подремлю

пару часов, и в ночь за второй остров давай сходим, там шшук покрупнее может и найдёшш.

Мерзлявая, ветреная погода утихала к полуночи, но надежда на тихий солнечный день все эти дни умирала с первым взором на водную гладь из окна избушки. За вторым островом северная бережная линия в заливах упиралась в калтус, и чем-то напоминала мне скрытое за елями затерянное болотное озеро, покоровившее меня своей первозданной красотой. Перемещаясь от залива к заливу, и утапливая атаковавших мою приманку окуней и шук, ловец хóжал²² шуку своей второй мечты. Окунь-горбач ловился средних размеров, шуки были размером с локоть-полтора и только два зубатых бойца были с аршин. Каждая такая поплавь обогащала меня не только знаниями как, когда, и где искать рыбу, но и знаниями всего сущего во Вселенной.

На следующий день мы дошли до западной части Озера, где встретили две многочисленные стаи лебедей, осмотрели почти

---

²² *Хóжать – искать, разведывать (хоз – разведка, поиск зверя).*

все его северные и южные бережные заливы, где мне посчастливилось поймать щуку скрадом²³.

Ловля с подхода, так же, как и в среде охотников, своим названием намекает на то, что трофей добывается, если ловцу удаётся подойти на расстояние сверхточного заброса нужной приманки. Это требует от ловца знаний повадок той или иной рыбы, умение обращаться с рыболовной снастью, понимания условий, места, времени ловли и, конечно же, обладание навыком тихого передвижения по берегу или в лодке. Трофей, пусть не самых выдающихся размеров, добытый таким образом для меня всегда самый желанный.

Малым ходом на моторе или лазом²⁴ мы шли бережной линией в поисках щуки, которая должна, даже обязана была выйти на прогретый выглянувшим солнцем берег. Всё внимание было к зарослям камыша и прибрежной траве, и через некоторое время раздался резкий, мощный всплеск.

– Шщука в берег вышла, ишш как кúркат²⁵!

– Давай ещё немного ближе подойдём.

– Ты смотри, как лёшши́цца²⁶! – после второго всплеска прощентал проводник.

– Ну не меньше аршина должна быть, – отвечаю, и делаю заброс крупной вертушки.

Точнейший заброс в окно камыша, резкий взмах спиннинга для выхода блесны на работу в приповерхностном слое, первый оборот катушки, второй, удар! Гол! Такой радостной рожи у меня проводник не видел за всё время похода, я подпрыгивал от счастья, раскачивая Шняву. Ну не понимал он этой радости, пожалуй, единственной рыбацкой радости этой экспедиции.

---

²³ *Скрад* – незаметный подход, *скрадом* = с подхода.

²⁴ *Лазом* – отталкиваясь от дна веслом или шестом.

²⁵ *Кúркать* – плескаться в воде.

²⁶ *Лёшши́цца* – сверкает, плескается

Мы ещё час походили, в надежде повторить достигнутую степень эмоций, но Озеро предоставило только один шанс. Вскоре погода испортилась, и возвращались в лагерь уже в дождь.

В ночь вышли проверить новые берега, как травяные, так и болотные, но без сюрпризов, и главным результатом стало хорошее настроение от всего увиденного и пережитого за эти несколько дней.

Обратная дорога уже не так утомляла и удивляла туриста, а в минуты коротких остановок тундра своими скудными красками продолжала украшать проводы с Великими озёрами Мезенского края, где тяжёлые, тёмные воды 66-й параллели обладают удивительной способностью проникать в душу человека, и если душа не покоряется, не пугается, то страх, возникающий от власти водяного безмолвия отступает.

